

УДК 930.01

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ДЕЙСТВИЯ «ЗАКОНА ОТЧУЖДЕНИЯ» В ИСТОРИИ

© 2019 Т.В. Филатов

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, г.Самара

Статья поступила в редакцию 15.03.2019

В статье рассматривается один из вариантов применения философской категории отчуждения к историческому процессу. Согласно «закону отчуждения» власть посредством институционализации деятельности превращает ее из свободной в отчужденную, что в конечном счете приводит к отчуждению субъектов деятельности (народа) от власти, которая в демократических социумах порождается самим народом, а затем противостоит ему в качестве внешней принуждающей силы. При этом всякая деятельность, превращаясь из свободной в отчужденную, имеет тенденцию превращения в симуляцию, а сам действующий субъект превращается в симулякр, в копию несуществующего оригинала. Когда симуляция как форма отчужденной деятельности становится тотальной, всякая деятельность фактически прекращается, общество деградирует и в конечном итоге перестает существовать.

Ключевые слова: отчуждение, «закон отчуждения» в истории, отчуждение от творчества, отчуждение от власти, власть, властные отношения, симулякр, симуляция.

Отчуждение – одна из наиболее важных категорий философии, впервые эксплицированная в рамках классической немецкой философии И.Г. Фихте¹, который определил как отчуждение (Entäußerung) структурирование не-Я познающим себя субъектом (Я), поскольку всякое познание предполагает ограничение. Например, мыслящие апельсины, населяющие некую фантастическую экзопланету, где, кроме апельсинов, ничего нет, никогда не узнали бы, что они оранжевые, шарообразные, мыслящие апельсины, потому что интерпретация объекта как оранжевого возможна только при наличии чего-то не оранжевого, познание шарообразности требует наличия чего-то не шарообразного и т.д.

Впоследствии тема отчуждения получила свое развитие в иных содержательных контекстах у Г. Гегеля² и К. Маркса³. В частности, Гегель рассматривает природу и человеческую историю как отчуждение ми-

рового духа от самого себя в процессе самопознания, а Маркс выделял 4 вида отчуждения: от процесса труда, от продукта труда, от других людей и от человеческого в себе. Суть проблемы отчуждения можно свести к следующему. Продукт деятельности субъекта отделяется (отчуждается) от породившего его деятеля, т.е. субъекта, не просто приобретая некое реальное существование, а противостоя субъекту в качестве внешней принуждающей силы. Иначе говоря, в отчуждении имеет место своеобразное перевертывание: продукт человеческой деятельности, призванный служить человеку, будучи овеществленным, поработает самого человека, заставляя его служить себе.

В рамках различных философских систем предпринимались также попытки снятия отчуждения, одну из которых, выполненную в идеалистическом ключе, осуществил младогегельянец М. Штирнер в работе «Единственный и его собственность»⁴. Он утверждает, что идеи, синтезируемые человеческим интеллектом, приобретают в человеческом воображении статус неких

*Филатов Тимур Валентинович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии.
E-mail: tfilatoff1960@mail.ru*

самостоятельных вечных сущностей, довлеющих над своими создателями, подобно тому, как ранее над ними довели порожденные их воображением антропоморфные божества. Действительно, чем отличается вера в Бога от веры в идею? Почти ничем. В данной связи вполне возможно противопоставить верованию во Христа, т.е. христианской религии, веру в коммунизм или веру в либеральные ценности, которые целесообразно определить как специфические формы веры в идеи или как идеологии. Более того, возможно превращение религии в идеологию, точнее, в религиозную идеологию, если Бога рассматривать не как антропоморфное существо, а как отвлеченную идею, подобную гегелевской Абсолютной идее или Мировому духу. Штирнер преодолевает подобное отчуждение в идеалистически-нигилистическом ключе: достаточно просто осознать, что продукты моей интеллектуальной деятельности есть моя интеллектуальная собственность, поэтому не я должен служить им, а они – мне.

В настоящее время, т.е. в начале XXI века, можно с уверенностью констатировать, что все попытки снятия отчуждения неизменно завершались неудачей, и это позволяет говорить о своеобразном «законе отчуждения», действие которого наблюдается на протяжении всего периода человеческой истории. Цель настоящей работы – рассмотреть некоторые аспекты действия данного «закона» в контексте проблематики власти и властных отношений. При этом планируется решение задачи экспликации понятия отчуждения посредством задействования представлений о симуляции и симулякрах, предложенных Ж. Бодрийяром⁵.

Возвращаясь к концептуальным истокам учения об отчуждении, т.е. к субъективно-идеалистическому учению Фихте, следует обратить внимание на то обстоятельство, что фихтеанское не-Я, которое противопоставит Я как отчужденный объект, по сути дела является составной частью этого самого Я. Пытаясь преодолеть кантовский тезис о принципиальной ограниченности челове-

ческого разума, базирующийся на невозможности познания вещи в себе, т.е. познать вещи таковыми, каковы они есть «на самом деле», а не только как вещи для нас, данные исключительно в наших ощущениях, Фихте приходит к выводу, что для человека вещь и ее восприятие всегда совпадают. Следовательно, я могу отделить вещь от восприятия только чисто теоретически, вообразив некую непознаваемую вещь в себе, но не практически. Однако мои восприятия – это факты моего сознания, т.е. ментальная часть меня самого. Отсюда первое основоположение философии – «Я есть Я», т.е. в процессе своей жизни человек имеет дело только с самим собой. В мире нашего восприятия, а это единственно доступный нам практически мир, не может быть двух Я и не может быть ничего другого, кроме Я⁶. Однако плата за преодоление агностицизма Канта оказывается у Фихте чересчур высокой, поскольку его учение становится субъективно идеалистическим.

Дело, однако, не в этом. Постигая смысл бытия Я как познание, точнее, как самопознание Я, потому что в фихтеанской вселенной нет ничего, кроме Я, Фихте приходит к выводу, что самопознание Я, т.е. рост его знания о себе, гносеологическое прогрессирование, достигается за счет его онтологического регресса или саморазрушения, путем переопределения сфер бытия, ранее ассоциировавшихся с Я в сферы, ассоциирующиеся с не-Я. Иначе говоря, в ходе самопознания отчужденное от Я в целях самопознания не-Я перманентно растет, а собственно Я столь же неотвратимо уменьшается. Например, на первом этапе человеческой жизни мы ассоциируем себя с телом, поскольку только оно, как нам кажется, безоговорочно подчиняется нашей воле, то есть полностью находится в нашей власти. Отсюда материалистическая максима «Я есть тело», а все, что не есть тело, есть не-Я. В подобной иллюзии человек пребывает в среднем до 40 лет, когда его тело становится трудно управляемым, т.е. начинает стареть, болеть и постепенно разваливаться, причем

вопреки нашей воле. Здесь до людей постепенно доходит, что тело вовсе не представляет собой подлинного Я, что приводит нас к спиритуалистическому определению «Я есть душа». Вплоть до XIX века, когда люди жили сравнительно недолго, большинство из них умирало с этой иллюзией. Однако в возрасте 80+ человек имеет шанс завершить процесс самопознания, наблюдая процесс разрушения своей якобы бессмертной души, которая на конечном этапе человеческой жизни редуцируется к младенческому состоянию. Именно в этот момент мы в заходящих лучах света нашего разума можем постигнуть последнюю кардинальную истину о себе, нигилистическую, согласно которой «Я есть ничто». Процесс самопознания завершен тотальным отчуждением: когда Я превращается в ничто, не-Я становится всем, т.е. бесконечной Вселенной, в просторах которой затеряны человеческий мир и собственно познающий себя человек.

Таким образом, уже в фихтеанском наукоучении мы сталкиваемся с органическим переплетением двух тем: отчуждения и власти, и данную тенденцию можно проследить далее, вплоть до представителей современной постмодернистской философии⁷, таких как М. Фуко⁸, Ж. Бодрийяр⁹, С. Жижек¹⁰, Ж. Лакан¹¹ и другие.

Личный опыт каждого из нас, наши пересечения с властью и участие во властных отношениях рисуют одну и ту же картину, независимо от социального положения человека. Всякого рода деятельность формируется посредством творческого акта, т.е. как свободная. Например, нововременная наука рождалась усилиями энтузиастов, большая часть которых являлась непрофессионалами. Декарт был профессиональным военным, Спиноза добывал средства к существованию шлифовкой стекол, Ферма выполнял функции судьи и т.д. При этом научная деятельность оставалась свободной до тех пор, пока соответствующий социум не осознавал ее социальной ценности, после чего неизменно происходила институализация¹² данного вида деятель-

ности, т.е. ее превращение в социальный институт. Последнее предполагало своеобразную легализацию означенного вида деятельности в форме активной поддержки ее со стороны власти и ее структурирования в новую профессию, вовлекаемую в сферу властных отношений и государственного регулирования.

С одной стороны, институализация производит впечатление однозначного блага для субъектов деятельности, которые по этой причине, как правило, к ней активно стремятся. Можно представить себе, сколько гениальных сочинений в дополнение к уже имеющимся мог бы написать Декарт, если бы над ним не довлела необходимость зарабатывать на жизнь воинской службой. Неинституализированная наука никогда не смогла бы реализовать такие глобальные программы, как космические исследования или Большой адронный коллайдер, требовавшие объединения усилий огромного количества исследователей и колоссальных денежных вливаний со стороны государства. С другой стороны, все эти очевидные плюсы институализации не позволяют заметить маленького минуса, который в существенной степени их нивелирует. В данном случае научный труд из свободного превращается в несвободный, т.е. в отчужденный. Если ранее ученый творил по зову сердца, только ощутив вдохновение, то теперь он вынужден был что-то осуществлять, даже не имея на то ни малейшего желания, т.е. под давлением властных структур, которые, исходя из социальной значимости данного вида деятельности, обязали ученого осуществлять ее.

При этом уже Маркс обратил внимание на более низкую эффективность отчужденного труда по сравнению с трудом свободным: «труд является для рабочего чем-то внешним, не принадлежащим к его сущности; в том, что он в своем труде не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным, не развивает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет свою физическую при-

роду и разрушает свои духовные силы. Поэтому рабочий только вне труда чувствует себя самим собой, а в процессе труда он чувствует себя оторванным от самого себя»¹⁵. Например, труд раба в эпоху Античности был менее производителен, чем труд свободного земледельца, потому что, в отличие от последнего, раб не был заинтересован в своем труде и осуществлял его только под угрозой физического принуждения.

Исходя из подобных исторических реалий Маркс приходит к выводу, что в бесклассовом коммунистическом обществе, где вместе с государством и властными отношениями исчезнет институт принуждения к труду, так что труд вновь станет свободным, а отчуждение действующего субъекта от процесса и результатов своей деятельности окончательно снимется, производительность труда в соответствующем социуме возрастет настолько, что один только его пример подвигнет капиталистические социумы к переходу на коммунистический путь развития. К сожалению, данный проект снятия отчуждения вплоть до нашего времени так и остался нереализованным, хотя попытки его реализации все еще продолжаются. Например, в коммунистическом Китае.

Обобщая сказанное, можно прийти к выводу, что фатальные провалы различных проектов снятия отчуждения связаны с представлениями о наличии «плохой» власти, отчуждающей человека от процесса труда и его продуктов, и «хорошей» власти, как минимум, не обладающей достаточным потенциалом для осуществления негации отчуждения. Например, тоталитарная власть условно «плохая», а демократическая – условно «хорошая»¹⁴. Анализ исторического процесса позволяет высказать предположение о том, что негация отчуждения представляет собой существенный признак власти и потому присуща не только отдельным («несовершенным») формам ее организации, но и власти вообще.

Проиллюстрируем сказанное конкретным примером из области преподаватель-

ской деятельности. Публикации научных трудов преподавателями ВУЗов – безусловное благо. Однако далеко не все преподаватели, квалифицированно проводящие занятия, имеют творческий потенциал к соответствующему виду деятельности. В результате в советский период отечественной истории пик публикационной активности среднестатистических преподавателей приходился на периоды подготовки к защите кандидатских и докторских диссертаций, после чего их публикационная активность падала, иногда практически до нуля. Конечно, публикационная активность приветствовалась, но не была обязательной. Примечательно, что резкое падение продуктивности ученых после защиты диссертации наблюдается и в наши дни¹⁵.

Ситуация с публикациями коренным образом изменилась лишь после того, как наличие публикаций российские власти внесли в аккредитационные требования, предъявляемые к преподавателям ВУЗов. Иначе говоря, из лучших намерений добиться повышения эффективности научной деятельности власть превратила труд по сочинению научных статей из свободного в обязательный, т.е. в отчужденный. Здесь уместно вспомнить Э. Фромма, который существенно трансформировал и расширил предложенную К. Марксом классификацию видов отчуждения, указав на следующие его формы: 1) отчуждение от творческой деятельности, 2) отчуждение от другого человека, 3) отчуждение от самого себя, 4) отчуждение от власти, 5) отчуждение сознания от творческого мышления, 6) отчуждение от продуктов собственного труда, 7) отчуждение от природы¹⁶.

В результате интеллектуальное пространство российской науки наводнили невнятные, написанные из-под палки публикации, а научные журналы, воспользовавшись сложившейся конъюнктурой, стали предлагать платные услуги по публикации соответствующих продуктов. В итоге цель, поставленная властью, вроде бы была достигнута: количество публикаций, безус-

ловно, выросло. Однако большинство из них никто не читал, кроме разве что их авторов, а образовавшиеся горы пустой словесной породы наглухо закрывали заинтересованному читателю доступ к редким произведениям, написанным исследователями, еще окончательно не утратившими вкуса к свободному интеллектуальному труду.

Через некоторое время, осознав наметившиеся трудности, власть решила скорректировать программу действий в данной области в сторону дальнейшего повышения эффективности интеллектуального труда преподавателей ВУЗов. С этой целью был использован международный опыт, что лишним раз подтверждает тезис об однотипном отчуждающем характере любой власти. Во-первых, отечественные преподаватели в силу языковых особенностей предпочитали публиковаться в отечественных (русскоязычных) журналах. Чтобы инициировать их публикации в иностранных журналах в качестве аккредитационных требований, были введены публикации в изданиях, индексируемых в системах Scopus и Web of Science, основную базу которых составляют иностранные англоязычные издания. Во-вторых, в качестве оценки научных достижений преподавателей ВУЗов стали использовать индекс цитирования научных трудов, индексируемых в системе РИНЦ или индекс Хирша¹⁷.

Результат подобных мероприятий вновь не замедлил сказаться. Появились индексируемые в системах Scopus и Web of Science издания, предлагающие преподавателям платные услуги не только по публикации, но и по переводу русскоязычных статей, а также платные услуги по увеличению индекса Хирша у заинтересованных преподавателей посредством технологий его «вздувания». Эффект тот же самый – формальные показатели творческой деятельности преподавателей резко возросли, а по факту наблюдается увеличение степени загрязнения интеллектуального пространства науки пустой словесной породой теперь уже в международном масштабе, где ситуация отнюдь не лучше отечественной, что

лишний раз подтверждает наш тезис о негационно-отчуждающем характере любой власти, осознание которого вызывает своеобразный процесс отчуждения от власти, рассматривавшийся Э. Фроммом и другими исследователями.

Действуя из благих намерений, «честная» идеальная власть превращает доказавшие свою социальную значимость сегменты деятельности из деятельности свободной в деятельность отчужденную, что вызывает усиление отчуждения от власти субъектов деятельности по мере усиления активности власти по увеличению степени эффективности соответствующего вида деятельности. В итоге активная власть по мере усиления своей активности все больше отрывается от народа и в конечном итоге превращается во власть агонизирующую, воспринимаемую народом как внешняя принуждающая сила, активно ему противостоящая. Причем отчуждение народа от власти достигает наибольших масштабов не в тоталитарных, а именно в демократических странах, где бытие власти в какой-то степени зависит от народного волеизъявления. Пытаясь оправдать доверие демократически определившего ее бытие народа, власть перманентно усиливает негационно-отчуждающее давление на этот самый народ. Таков, на наш взгляд, рассматриваемый нами механизм действия «закона отчуждения» в истории.

В заключение следует указать еще на один аспект действия означенного «закона», по большей части ускользающий от исследователей. Дело в том, что отчуждение от власти всегда взаимно. Не только порожденная народом власть выступает по отношению к народу в качестве внешней принуждающей силы, но и народ посредством симуляции, философское прочтение которой можно найти в упоминавшейся выше работе Ж. Бодрийера «Симулякры и симуляция». По нашему мнению, симуляция есть естественная форма бытия действующего субъекта в условиях отчуждения от деятельности. При этом сам действующий субъект превращается в симулякр, то есть в копию несуществующего оригинала¹⁸.

Исторических примеров подобного рода множество. В данной связи вспоминается творчество Александра Дюма-отца, который демонстрировал необычайную плодовитость, издавая под своим именем множество романов, главным образом по коммерческим соображениям¹⁹. При этом далеко не все из данных произведений были написаны им самим. Объясняется это тем, что Дюма постоянно нуждался в деньгах, и это заставляло его симулировать, издавая поделки литературных рабов под своим именем. Не так ли поступают сегодня многие маститые ученые, украшая своим именем труды, написанные их никому неизвестными учениками? Кстати, сотрудничество получается взаимовыгодное, поскольку ученик, благодаря такой нехитрой симуляции, резко повышает свой индекс Хирша.

Поскольку симуляция есть естественный способ существования в условиях отчужденной деятельности, на каком-то историческом этапе эволюции подобной деятельности означенная симуляция становится всеобщей. В данной связи автор может рекомендовать рассмотрение Д.Д. Фрезером исторической эволюции магии и колдовства, которая представляет собой одну из наиболее убедительных иллюстраций действия «закона отчуждения» в истории²⁰.

Допустим, некий колдун искренне верит в силу магических процедур и честно пытается их практиковать. Например, он вынужден вызывать дождь для своих соотечественников, нуждающихся в нем, но дождь упорно не идет. В этом случае у честного колдуна может быть только одно объяснение: дождя нет потому, что он что-то делает не так, т.е. неправильно колдует. Но времени для того, чтобы разобраться в том, что пошло не так, у него катастрофически не хватает, потому что дождь племени нужен немедленно. По этой причине разъяренные соплеменники рано или поздно потеряют терпение и убьют такого незадачливого колдуна.

Другой колдун просто сознательно симулирует магические процедуры, заведо-

мо зная об их неэффективности или даже иллюзорности. Подобный симулянт психологически готов к провалу своей магии, поэтому сосредоточивает основные усилия вовсе не на магическом творчестве, а на поиске логически убедительных путей отступления. Например, в случае провала мероприятия можно обвинить в этом кого-нибудь из соплеменников, злонамеренные козни которых разрушили его «правильное» колдовство. В этом случае разъяренные соплеменники убьют не колдуна, а выявленного им негодяя, который сыграет роль козла отпущения. В итоге подобного рода отбора честных колдунов вообще не останется, а в наличии будут только колдуны, занимающиеся симуляцией колдовства, изображая из себя более не существующих честных колдунов, т.е. представляющие собой симулякры – копии несуществующих оригиналов.

Подведем основные итоги исследования.

1) В социуме, где наличествует институт власти и имеют место властные отношения, т.е. на протяжении всей истории человечества, действует «закон отчуждения».

2) Всякая власть, независимо от своей формы, осуществляет в социуме исключительно негационно-отчуждающие функции, превращая свободную деятельность в обязательную, т.е. отчужденную от действующего субъекта, посредством ее институализации вследствие осознания ее социальной полезности.

3) Негационно-отчуждающее действие власти приводит к отчуждению власти от народа, воспринимаемой последним как внешняя принуждающая сила, причем тем яснее, чем в большей степени сам народ воздействует на бытие власти, например, избирая ее демократически.

4) Параллельно с этим наблюдается процесс отчуждения народа от власти посредством симуляции деятельности в условиях ее отчуждения властью от действующего субъекта. На каком-то этапе данного процесса означенная симуляция становится всеобщей, вследствие чего действующие субъекты пре-

вращаются в симулякры – копии не существующих более оригиналов, что равносильно фактическому прекращению деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Фихте И.Г. Факты сознания. Назначение человека. Наукоучение. М.: АСТ, 2000. 784 с.
- ² Гегель Г.Ф.В. Феноменология духа. М.: Академический проект, 2008. 768 с.
- ³ Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд., т. 2. М.: Политиздат, 1955. С. 3-230.
- ⁴ Штирнер М. Единственный и его собственность. М.: Рипол, 2017. 464 с.
- ⁵ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: Рипол, 2017. 320 с.
- ⁶ Более подробно см.: Филатов Т.В. Фихтеанские вариации // Россия. Век XX – XXI. Экономика. Политика. История. Культура. Сб. науч. трудов. Вып. 3. Самара, 2012.
- ⁷ Ахметзянова Р.Р., Лебедев А.Б. Отчуждение в пространстве власти как отчуждение в пространстве знака // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. Т. 149. № 5. С.91-102.
- ⁸ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с фр. М.: Магистериум-Касталь, 1996. 447 с.
- ⁹ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / Пер. с фр. М.: Библион, 2004. 304 с.
- ¹⁰ Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Худож. журн., 1999. 235 с.
- ¹¹ Лакан Ж. Инстанция буквы, или судьба разума после Фрейда. М.: Рус. феноменолог. о-во; Логос, 1997. 183 с.
- ¹² Кособуко М.Э. Институционализация науки и научное сообщество // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2012. № 9-1. С. 160-164.
- ¹³ Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/1844/manuscr/> [Дата обращения: 03.04.2019].
- ¹⁴ Гозман Л.Я. Люди и власть: от тоталитаризма к демократии // Л.Я. Гозман, А.М. Эткинд. / Сб. статей «В человеческом измерении». М.: Прогресс, 1989.
- ¹⁵ Разина Т.В. Динамика изменения мотиваций научной деятельности после защиты кандидатской диссертации // «Вестник Сыктывкарского университета. Серия 2. Биология. Геология. Химия. Экология». 2017. № 7. С. 92-103.
- ¹⁶ Фромм Э. Отделение от себя // Кризис сознания: сборник работ по «Философии кризиса». М.: Алгоритм, 2009.
- ¹⁷ Romanov D.V., Filatov T.B. Hirsh's index and the spirit of capitalism. // SHS Web Conf. (WoS) International Conference on Advanced Studies in Social Sciences and Humanities in the Post-Soviet Era (ICPSE 2018), 2018, vol. 55 (doi 10.1051/shsconf/20185503018).
- ¹⁸ Маньковская Н.Б. Эстетика постмодерна. СПб.: Алетейя, 2000. С. 60.
- ¹⁹ Бейнарлович О.Л. Массовая литература и Александр Дюма // Романский коллегийум. Междисциплинарный сборник научных трудов. СПб.: Изд-во «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», 2015. С. 71-86.
- ²⁰ Фрезер Д.Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М.: Азбука-Аттикус, 2018. 976 с.

ON SOME ASPECTS OF THE «LAW OF ALIENATION» IN HISTORY

© 2019 T.B. Filatov

Volga Region State University of Telecommunications and Informatics, Samara

The article considers a variant of applying the philosophical category of alienation to the historical process. According to the «law of alienation», power through the institutionalization of activity turns it from free to alienated, that ultimately leads to the alienation of the subjects of activity (people) from power, which in democratic societies is generated by the people themselves, and then and then turns into an external coercive force which opposes them. In this case, any activity, turning from free to alienated, tends to turn into a simulation, and the acting subject turns into a simulacrum, a copy of the non-existent original. When simulation as a form of alienated activity becomes total, all activity actually ceases, society degrades and eventually ceases to exist.

Keywords: alienation, «law of alienation» in history, alienation from creativity, alienation from power, power, power relations, simulacrum, simulation.

*Timur Filatov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy.
E-mail: tfilatoff1960@mail.ru*